

СТЕЛЛА
ПОЛЯКОВА

ЛЕНТА

роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Стелла Полякова

Лента

«Автор»

2026

Полякова С.

Лента / С. Полякова — «Автор», 2026

Даниилу двадцать семь. Он не работает. Не выходит из дома. Не живёт. Его мир — продавленный диван и экран телефона. Бесконечный свайп. Видео, которые ничего не значат. К нему приходят люди. Приносят еду, деньги, присутствие. Получают взамен пространство без осуждения. Место, где можно быть несчастным честно. Это система. И она работает. Годами. Пока однажды не ломается. Что делает человека живым? Когда пустота становится невыносимее, чем жизнь? И возможно ли вернуться, если ты два года был мёртвым?" Лента" — честная история о нашем поколении. О том, как легко потеряться в экране. И как трудно — найти себя.

© Полякова С., 2026

© Автор, 2026

Стелла Полякова

Лента

ЧАСТЬ I.

Глава 1. Приезд

Я приехал в Москву в воскресенье вечером. Аэроэкспресс, метро, пересадка на Таганской — привычный маршрут, который я проделывал раз в два-три месяца последние пять лет. Конференция в Сколково, два дня презентаций про финтех-стартапы, нетворкинг, коктейли с инвесторами. Стандартная программа.

Отель я не бронировал. Вместо этого написал Дане:

"Буду в Москве 14-15. Можно у тебя?"

Он ответил через три часа: *"Ок"*.

Одно слово. Даже без точки. В этом был весь Дания.

Мы учились в одном университете — он на дизайне, я на прикладной математике. Пересекались на студенческих вечеринках, общих знакомых, пару раз ездили компанией на дачу к кому-то. Не то чтобы мы были близкими друзьями, но и не чужими. Просто знакомые. Из тех, с кем необязательно созваниваться каждую неделю, но можно написать через полгода, и это не будет странно.

После универа я уехал в Питер — получил оффер в неплохом стартапе. Дания остался в Москве. Сначала он работал в какой-то дизайн-студии, потом ушёл на фриланс, потом... Честно говоря, я не очень понимал, чем он занимается последние годы. На вопросы отвечал уклончиво. Но квартиру снимал ту же самую, что и во время учёбы, в Бутово, и иногда, когда я оказывался в Москве, я заходил к нему.

Почему к нему, а не в отель? Наверное, потому что у Дании можно было просто быть. Не нужно было поддерживать разговор, развлекать, объяснять, зачем приехал. Можно было прийти, сесть, помолчать. И это было нормально.

Я вышел из метро в девятом часу вечера. Бутово встретило меня привычной панельной серостью — высотки, парковки, редкие фонари. Ноябрь, холодно, моросит. Я поднял воротник куртки и пошёл к знакомому дому.

Подъезд. Домофон. Третий этаж. Лифт пах мочой и свежей краской одновременно — видимо, делали ремонт, но не везде.

Я позвонил в дверь.

Никто не открыл.

Позвонил ещё раз.

Тишина.

Достал телефон, написал:

"Я у двери"

Через минуту дверь открылась. На пороге стоял Дания — босиком, в серых трениках и мятой чёрной футболке с логотипом какой-то игры. Волосы растрёпаны, щетина дней пять, в правой руке — телефон, в левой — наушники, которые он явно только что вытащил из ушей.

— А, — сказал он. — Привет.

— Привет.

Он посторонился, пропуская меня внутрь. Я вошёл, снял куртку. Прихожая — те же крючки, та же полка для обуви, тот же зеркальный шкаф-купе. Ничего не изменилось. Только теперь на полке для обуви стояла только одна пара — чёрные Nike Air Max, явно дорогие. Больше никакой обуви.

— Обувь только одна? — спросил я, кивнув на кроссовки.

— Зачем больше? — Даня пожал плечами. — Этих хватает.

Я разулся, прошёл в комнату.

Квартира была однушкой, квадратов тридцать. Совмещённая кухня-гостиная, спальная зона отделена стеллажом ИКЕА, санузел раздельный. Студенческое жильё, каким оно и должно быть, только Дане было двадцать семь, и он давно не студент.

Но главное было не это.

Главное — что ничего не изменилось. Совсем. Тот же диван с продавленным сиденьем. Тот же журнальный столик, на котором стояла недопитая кола в стеклянной бутылке, пустая упаковка от роллов, зарядка от телефона. Тот же ковёр. Те же полки — полупустые, на них стояли несколько фигурок из аниме, пара книг (явно не читанных), беспроводная колонка.

Конечно, появились новые дополнения в интерьере. На столе появился огромный изогнутый монитор — дюймов тридцать четыре, игровой, с подсветкой. К нему подключена механическая клавиатура с RGB-подсветкой, которая мягко переливалась всеми цветами радуги. Мышка беспроводная, дорогая. Наушники на подставке — тоже явно не дешёвые, с шумоподавлением.

Всё это стояло на том же старом столе, который помнил ещё наши студенческие годы.

— Апгрейднулся, — заметил я, кивнув на технику.

— Ага, — сказал Даня. — Оля принесла.

— Оля?

— Потом расскажу.

Он вернулся на диван, устроился в привычной позе — полулёжа, ноги на столике, телефон в руках. На диване лежала подушка и плед. Похоже, он здесь и спал.

Я огляделся. За стеллажом виднелась кровать — заправленная, аккуратная. На ней лежала сложенная одежда — толстовка, джинсы. Кровать выглядела нетронутой.

— Ты на диване спишь?

— Угу.

— А кровать?

— Иногда. Когда кто-то приходит.

Он сказал это так буднично, что я не сразу понял, что он имел в виду. Но спрашивать не стал.

Я сел в кресло напротив дивана — то же самое кресло, в котором сидел год назад, и два года назад, и три. Обивка протёрлась на подлокотниках.

— Как дела? — спросил я.

— Норм.

— Работает?

— Иногда.

— Часто "иногда"?

— Сделал логотип на прошлой неделе. Пятьдесят тысяч. Этого хватит.

— На месяц?

— На два.

Я посмотрел на него внимательнее. Даня не изменился внешне. Всё такой же — высокий, худой, с этой ленивой грацией в движениях. Лицо всё такое же — правильные черты, тёмные глаза, которые всегда казались чуть усталыми. В универе девушки западали на него постоянно. Он был из тех парней, которые не прилагают усилий, но всё равно привлекают внимание.

Но что-то изменилось. Что-то неуловимое. Он стал... более плоским что ли. Как будто часть его ушла внутрь и не собирается возвращаться.

— Голодный? — спросил он, не поднимая глаз от экрана.

— Не особо. Перекусил в аэропорту.

— В холодильнике есть чего взять. Ольга вчера приносила.

— Ольга?

— Ага. По понедельникам приходит.

Я встал, прошёл на кухонную зону — она была отделена барной стойкой. Открыл холодильник.

И остановился.

Холодильник был забит. Не просто "есть еда" — он был забит продуктами из дорогого супермаркета. Контейнеры с салатами, греческий йогурт, моцарелла, хамон, авокадо, киноа, свежевыжатые соки в стеклянных бутылках, органическая курица. На полке стояли три бутылки крафтового пива и бутылка белого вина — явно не из "Пятёрочки".

— Охренеть, — сказал я. — Ты теперь ЗОЖ?

— Нет. Это Ольга. Она так покупает.

— А зачем она... впрочем, ладно.

Я взял пиво, открыл, вернулся в комнату. Даня всё так же лежал на диване, листая что-то в телефоне. Экран светился ему в лицо — голубоватый свет в полумраке комнаты. Он не включал верхний свет, только торшер в углу давал мягкое тёплое освещение.

— Что листаешь? — спросил я.

— Да так. Всякое.

Я заглянул через его плечо. TikTok. Видео сменялось видео — какой-то парень делал трюк на скейте, кот падал с дивана, девушка танцевала, блогер что-то объяснял, показывая на графики. Даня смотрел секунд десять-пятнадцать, потом свайпал вверх. Следующее видео. И снова. И снова.

— Ты это... смотришь?

— Нет. Я это листаю.

— В чём разница?

— Смотреть — значит вникать. Я просто пропускаю через себя. Как фоновый шум.

Он сказал это без эмоций. Я сел обратно в кресло, отпил пива.

— Сколько времени в день?

— Часов восемь. Может, десять. Не считал.

— Даня, бля...

— Что?

Он наконец оторвался от экрана и посмотрел на меня. В его взгляде не было вызова. Не было защиты. Просто спокойный вопрос.

— Ничего, — сказал я. — Просто... восемь часов это много.

— У тебя сколько?

Я задумался. Вытащил телефон, зашёл в настройки, открыл экранное время.

Четыре часа двадцать три минуты. Вчера.

— Четыре с половиной, — сказал я.

— Ну вот. А ещё рабочий компьютер. Часов восемь? Плюс дорога — ещё час в телефоне.

Итого тринадцать. У тебя тринадцать, у меня десять. Я даже меньше.

Он вернулся к телефону.

Я сидел, допивал пиво и думал, что он прав. Чёрт возьми, он был прав.

— Разница в том, — сказал я, — что я работаю.

— А я нет. Поэтому у меня честнее.

— Как это — честнее?

Даня положил телефон на грудь, экраном вниз. Посмотрел в потолок.

— Ты делаешь вид, что живёшь. Работа, встречи, проекты, планы. Ты заполняешь жизнь активностями, чтобы не думать о том, что всё это не имеет смысла. А потом приходишь домой и четыре часа листаешь телефон, потому что устал делать вид. Я просто не делаю вид. Я сразу листаю телефон.

— Это пиздец какая депрессивная философия.

— Это честная философия.

Он снова взял телефон. Продолжил листать.

Я встал, прошёлся по комнате. Посмотрел в окно — вид на такие же панельки, окна напротив, за ними силуэты людей, телевизоры, экраны компьютеров. Голубоватое свечение из каждого окна. Все сидели в своих квартирах и смотрели в экраны.

— Ты счастлив? — спросил я, не оборачиваясь.

Пауза.

— Нет, — сказал Даня. — Но я и не несчастлив.

— Тогда что?

— Я в анестезии.

Я обернулся. Он всё так же лежал, лицо освещено экраном.

— Анестезия?

— Ну да. Знаешь, как когда тебе делают наркоз перед операцией. Ты ничего не чувствуешь. Ни боли, ни радости, ни страха. Просто пустота. Комфортная пустота. Вот я в ней.

— И тебя это устраивает?

— А что не устраивает? Чувства — это проблемы. Хочешь чего-то — страдаешь, что не получаешь. Получаешь — привыкаешь и снова хочешь. Любишь — боишься потерять. Ненавидишь — разъедает изнутри. Радуешься — знаешь, что кончится. А вот так — ничего не чувствуешь. И ничего не болит.

— Но и жить не живёшь.

— А ты живёшь? — он усмехнулся. — Ты работаешь в стартапе, который, может, выстрелит, а может, закроется через год. Ты снимаешь квартиру в Питере, копишь на ипотеку, которую будешь выплачивать двадцать лет. Ты ходишь на конференции, пьёшь коктейли с людьми, которых не помнишь через неделю. Ты ищешь девушку в приложениях для знакомств, ходишь на свидания, трахаешься, переписываешься, и всё равно в итоге остаёшься один и листаешь ленту до трёх ночи. Ты тоже не живёшь. Ты играешь в жизнь. Разница в том, что я не играю. Я честно признаю, что мне пофиг.

Я сел обратно. Молча.

Он был прав. Опять.

— Как ты стал таким? — спросил я тихо.

Даня пожал плечами.

— Постепенно. На третьем курсе купил нормальный смартфон. До этого была кнопочная Nokia, помнишь?

— Помню.

— И вот я купил iPhone. Первый раз в жизни у меня был нормальный телефон с интернетом. И я начал его юзать. Сначала по чуть-чуть. Потом больше. В метро листал новости. На парах — мемы. Дома — YouTube. Потом появился Instagram. Потом TikTok. Потом Reels. И вот я заметил, что могу часами просто листать. И это не было скучно. Наоборот — это было настолько интересно, что всё остальное стало не интересно.

— Всё остальное?

— Ну да. Учёба — нахуя, если можно посмотреть видос про то, как кто-то учится. Друзья — нахуя, если есть лента с миллионами людей. Хобби — нахуя что-то делать самому, если можно посмотреть, как это делает кто-то другой, и ещё лучше. Секс — есть порно. Путешествия — есть блоги. Достижения — есть чужие успехи. Зачем напрягаться, если можно просто потреблять?

— Это пиздец, Дань.

— Почему? Это эффективно. Я получаю весь дофамин, который раньше люди получали от реальных действий. Только без усилий. Листаешь — и вот тебе смех, вот секс, вот милота,

вот страх, вот восторг. Всё подряд, без перерыва. Алгоритм подбирает именно то, что тебе нравится. Это как капельница с эндорфинами. Зачем отказываться?

— Потому что это не настоящее!

— А что настоящее? — он сел, впервые проявив эмоцию. Не злость, нет. Любопытство. — Твоя работа настоящая? Ты двигаешь циферки в таблицах, чтобы заработать деньги, чтобы купить вещи, которые устареют через год. Твоя девушка настоящая? У тебя вообще есть девушка?

— Нет сейчас.

— Вот. Потому что настоящие отношения — это работа. А в приложениях проще. Свайпаешь, переписываешься, может, встретитесь, может, нет. Без обязательств. Твои эмоции настоящие? Ты радуешься, когда твой стартап привлекает инвестиции. Но эта радость — просто химическая реакция в мозгу. То же самое, что я получаю от смешного видео. Только я получаю это каждые тридцать секунд, а ты раз в полгода. Кто эффективнее?

Я не знал, что ответить.

Даня откинулся обратно на диван.

— Понимаешь, Макс, — сказал он тише, — я просто устал. Я не с бодуна проснулся и решил стать овощем. Я просто... постепенно понял, что всё это — игра. Вся жизнь — игра в то, что это важно. Образование, карьера, семья, успех. Все играют, потому что так надо. Потому что страшно не играть. Потому что если признаешь, что это всё бессмысленно, то что тогда? Пустота. А пустоты все боятся.

— А ты не боишься?

— Я в ней живу. И знаешь что? Она охуенная. Не нужно стремиться. Не нужно бояться проебать. Не нужно сравнивать себя с другими. Просто лежишь на диване и листаешь ленту. И этого достаточно.

Мы замолчали. Я допил пиво. Даня листал телефон. За окном моросил дождь. В квартире было тихо, только гул холодильника и тихий звук из его наушников, которые он так и не надел — они лежали рядом, и из них еле слышно доносилась музыка.

— А женщины? — спросил я. — Ты говорил, кто-то приходит.

Даня усмехнулся.

— Да. Приходят.

— И что вы делаете?

— По-разному. Иногда трахаемся. Иногда просто сидим. Иногда они плачут, я их глажу. Зависит от того, что им нужно.

— А тебе?

— Мне ничего не нужно. Я же говорю — пустота. Они приходят, они уходят. Я не звоню первым. Не пишу. Не обещаю ничего. Они это знают.

— И их это устраивает?

— Похоже на то. Ольга по понедельникам. Настя по средам. Ира по пятницам.

— Расписание как в фитнес-клубе.

— Примерно. Только я не напрягаюсь.

— Они знают друг о друге?

— Наверное. Я никому не вру. Да и какая разница? Я никому ничего не обещаю. Я не их парень. Я просто... есть. Как фоновая музыка в кафе. Не мешаю, но и не помогаю.

— А зачем они приходят?

Даня задумался.

— Знаешь, — сказал он медленно, — я долго сам не понимал. Думал — ну, секс. Но потом понял — не в сексе дело. Они приходят, потому что я ничего от них не хочу. Совсем ничего. Ольга — идеальная мать, идеальная жена, идеальная программистка. У неё расписаны каждые пятнадцать минут. Её муж ждёт, что она будет поддержкой. Дети ждут, что она будет

заботливой. Работа ждёт, что она будет продуктивной. Instagram ждёт, что она будет эстетичной. Все что-то ждут. А я ничего не жду. Она приходит, мы сидим, молчим, и ей не нужно быть никем. Это отдых.

— От жизни?

— От роли.

Я встал, взял ещё одно пиво из холодильника. Принёс одно Дане. Он взял, открыл, отпил, поставил на столик. Снова взялся за телефон.

— А Настя?

— Настя живёт с парнем. Хороший чувак, амбициозный. Они планируют свадьбу. Он водит её в театры, читает умные книги, занимается саморазвитием. Идеальная пара для Instagram. А она приходит ко мне, и мы смотрим тупые ситкомы. Или вообще ничего не смотрим. Просто сидим, оба в телефонах, молчим. И ей хорошо. Потому что не нужно быть умной, интересной, развивающейся. Можно быть тупой. Можно ничего не хотеть.

— А Ира?

— Ира — владелица салона красоты. Сорок лет. Разведена. Дочь-подросток. Она самая циничная. Понимает игру. Она мне технику покупает, одежду, еду приносит. Я принимаю. Она знает, что я её не люблю. Ей пофиг. Говорит, что я хотя бы честный. Не вру, что люблю. Не обещаю совместное будущее. Это редкость, по её словам.

— Охуенная история, Дань.

— Обычная. Просто я не делаю вид, что это романтика.

Он отпил пива, продолжил листать.

Я смотрел на него и пытался понять — он несчастен? Но нет, он не выглядел несчастным. Он выглядел... никаким. Как будто часть его давно отключилась, и то, что осталось, просто функционировало на автопилоте.

— И ты так будешь до конца? — спросил я.

— До конца чего?

— Жизни.

— А что менять? Рано или поздно все к этому приходят. Ты просто ещё сопротивляешься. Играешь в то, что твоя работа важна, что твои планы важны. Но ты же знаешь, что это не так. Ты же тоже листаешь ленту по четыре часа в день. Ты же тоже устаёшь от своей жизни и сбегашь в телефон. Разница только в том, что ты ещё не признался себе в этом.

— Может, я не хочу признаваться.

— Вот это и есть твоя проблема.

Даня зевнул, потянулся. Положил телефон на столик.

— Слушай, мне спать. Раскладушка в кладовке, постельное там же. Устраивайся. Холодильник открыт, бери что хочешь.

— Спасибо.

— Да не за что.

Он встал, босиком пошёл за стеллаж к кровати. Я услышал, как он упал на неё, даже не раздеваясь. Через минуту послышалось ровное дыхание.

Я достал раскладушку из кладовки, постелил постельное, разделся, лёг. Телефон завибрировал. Рабочий чат. Коллега спрашивал про завтрашнюю презентацию. Я написал короткий ответ, потом открыл Reddit. Пролистал. Потом YouTube. Потом Instagram. Потом TikTok.

Опомнился, когда на часах было два ночи.

Выключил телефон, положил на пол лицом вниз.

Закрыв глаза.

И последнее, о чём я подумал перед сном — Даня прав. Мы все в анестезии. Просто у кого-то доза больше.

Глава 2. Понедельник. Ольга

Я проснулся от звука ключа в замке.

Открыл глаза — на телефоне 9:47. Понедельник. За окном серое ноябрьское утро, моросит дождь. Я лежал на раскладушке, укрытый тонким пледом, и слушал. Дверь открылась. Шаги. Не тяжёлые — женские. Шуршание пакетов. Тихое "привет".

— Привет, — ответил Даня. Голос сонный, он явно только что проснулся.

Я привстал на локте, выглянул из-за стеллажа. В прихожей стояла женщина лет тридцати пяти. Среднего роста, стройная, в дорогом спортивном костюме Lululemon — чёрные леггинсы, серая куртка, белые кроссовки New Balance. Светлые волосы собраны в аккуратный хвост. На лице очки в тонкой оправе. Никакого макияжа, но кожа ухоженная — видно, что она следит за собой. В руках два больших пакета из "Азбуки вкуса".

Она увидела меня и замерла.

— А... У тебя гость?

— Друг, — сказал Даня, почёсывая затылок. — Он нестрашный.

Женщина неуверенно улыбнулась мне. Я кивнул в ответ.

— Привет, — сказал я. — Максим.

— Ольга, — она поставила пакеты на пол, протянула руку.

Я встал, пожал её руку. Рукопожатие уверенное, ладонь холодная. На запястье Apple Watch — последняя модель, на экране кольца активности почти замкнуты.

— Я принесла продукты, — сказала она, обращаясь к Дане. — Можно в холодильник положить?

— Конечно.

Она прошла на кухню, начала раскладывать покупки. Я наблюдал. Движения быстрые, отточенные — человек, привыкший делать всё эффективно. Греческий йогурт, органические яйца, киноа, шпинат, лосось, авокадо, миндальное молоко. Всё дорогое, всё полезное.

— Кофе будешь? — спросила она, доставая из пакета пачку зёрен из какой-то модной кофейной.

— Не откажусь, — сказал я.

Даня молчал. Он сидел на диване в той же позе, что и вчера — полулёжа, телефон в руках. Даже не встал, чтобы поздороваться с ней как следует.

Ольга включила кофемашину — новую, я её вчера не заметил. Явно дорогая, профессиональная. Начала молоть зёрна. Запах кофе заполнил квартиру.

— Ты тоже будешь? — спросила у Дани.

— Угу.

Она сделала три чашки. Мне протянула одну, себе взяла вторую, третью поставила на столик рядом с Даней. Он взял её, не отрываясь от экрана, отпил.

— Спасибо.

— Не за что.

Ольга села на край дивана. Достала телефон, начала что-то проверять. Я пил кофе — отличный, правда, насыщенный, с лёгкой кислинкой — и наблюдал.

Они сидели на одном диване, между ними сантиметров тридцать, оба смотрели в телефоны. Не разговаривали. Просто сидели.

Прошло минут пять.

— Как выходные? — спросила наконец Ольга, не поднимая глаз от экрана.

— Норм.

— Что делал?

— Ничего.

— Понятно.

Снова тишина. Я допил кофе, встал, пошёл умываться. В ванной увидел новую зубную щётку в упаковке на полке — видимо, для гостей. Распаковал, умылся, почистил зубы. Посмотрел на себя в зеркало — не выспался, мешки под глазами, щетина. Похож на того, кто вчера листал телефон до двух ночи.

Вернулся в комнату. Ольга лежала на диване, голова на подушке, ноги поджаты. Глаза закрыты. Даня сидел в другом конце дивана, всё так же в телефоне. Она не спала — я видел, как она дышит, неровно.

— У тебя конференция во сколько? — тихо спросил Даня, обращаясь ко мне.

— В час дня.

— Ясно.

Я сел в кресло. Достал ноутбук, открыл рабочую почту. Начал проверять письма, готовиться к презентации. Иногда поглядывал на них. Ольга лежала с закрытыми глазами. Даня листал. Время тянулось медленно, под гул холодильника и шум дождя за окном. Через полчаса Ольга открыла глаза. Посмотрела на часы на запястье.

— Мне скоро нужно, — сказала она.

— Окей.

Она села, провела рукой по лицу. Посмотрела на Даню.

— Можно ещё десять минут?

— Конечно.

Она снова легла. Закрывает глаза. Даня продолжал листать.

Я не выдержал.

— Ольга, — сказал я. — Простите, что встречаю, но... вы не спите же?

Она открыла глаза, посмотрела на меня.

— Нет, — сказала она просто. — Я просто лежу.

— И это... помогает?

Она задумалась.

— Да, — сказала она. — Помогает.

— Чем?

Она села, поправила очки, посмотрела на меня внимательно. Оценивающе. Решала, стоит ли говорить.

— Вы часто у Дани? — спросила она.

— Редко. Живу в Питере, приезжаю по работе.

— И он вам рассказывал... про меня?

— Только что вы приходите по понедельникам и приносите еду.

Она усмехнулась.

— Ну да. Приношу. А ещё плачу ему за квартиру. И технику покупаю. Видели монитор?

Я кивнул.

— Это я. Прошлый месяц. Он не просил, я сама решила. Сказала, что если он сидит за компьютером, то пусть хотя бы экран будет хороший.

— А кофемашина?

— Тоже я. Две недели назад.

— Вы... содержите его?

Она покачала головой.

— Не содержу. Я просто покупаю ему вещи. Он не просит. Я сама хочу.

— Зачем?

— Понятия не имею, — она рассмеялась тихо. — Наверное, потому что могу. У меня хорошая зарплата. Муж зарабатывает ещё больше. Деньги есть. А Даня... ну, вы же видите. Ему всё равно. Он не благодарит, не радуется. Просто берёт и пользуется. Или не пользуется. Ему без разницы. И это странно освобождает.

— Не понимаю.

Ольга посмотрела на Даню. Он всё так же листал, не обращая внимания на наш разговор. Будто нас не было.

— Видите, — сказала она, — всю жизнь я делаю что-то для кого-то. Для мужа — поддержка, секс, разговоры. Для детей — забота, развитие, внимание. Для работы — результаты, дедлайны, рост. Для родителей — звонки, визиты, помощь. Для подруг — встречи, советы, эмоции. Для Instagram — красивые фотки, истории, образ счастливой мамы и жены. И все ждут чего-то. Всё время. И я даю. Потому что так надо. Потому что я хорошая. А Даня ничего не ждёт. Совсем. Я могу купить ему монитор за сто тысяч, а могу не купить. Ему похер. Я могу прийти, могу не прийти. Ему похер. Я могу молчать или плакать. Ему похер. И это... блять, это так облегчает.

Она сказала "блять" неожиданно резко, и я понял, что она на грани.

— Хотите, выйдем покурить? — предложил я.

— Не курю, — она покачала головой. — Бросила три года назад. ЗОЖ, всё дела.

— Понятно.

Она встала, прошлась по комнате. Остановилась у окна, посмотрела на дождь.

— Знаете, как выглядит мой обычный день? — спросила она, не оборачиваясь.

— Расскажите.

— Подъём в шесть тридцать. Муж уже ушёл на работу — у него встречи с семи, он уходит в шесть. Я встаю, иду в душ. Пятнадцать минут. Одеваюсь — десять минут. Макияж не делаю, некогда, да и зачем, я работаю удалённо. Иду будить детей. Старшему девять, младшей шесть. Они не хотят вставать, капризничают. Я мягко, но настойчиво. Нельзя кричать — в книжках по осознанному родительству написано, что крик травмирует. Я же осознанная мама.

Она усмехнулась горько.

— Завтрак. Я готовлю — каша, яйца, фрукты. Никакого сахара, никаких быстрых углеводов. Дети ноют, что хотят блины с нутеллой, но я стойко объясняю про пользу медленных углеводов. Они едят, я делаю фотку для сторис — "Наше полезное утро ♥️#". Фильтр, пару тэгов, постить. Пока они едят, я проверяю почту, отвечаю на срочное. Восемь утра — отвожу старшего в школу, младшую в сад. Машина в пробке, двадцать минут на дорогу вместо пяти. Младшая плачет — не хочет в сад. Я уговариваю, обещаю вечером мультик. Наконец высаживаю обоих. Девять утра.

Она повернулась, посмотрела на меня.

— Еду домой. По дороге заезжаю в "Азбуку вкуса", покупаю продукты на неделю. Тратчу полчаса. Приезжаю, разбираю покупки, загружаю посудомойку, включаю стирку. Половина десятого. Сажусь за компьютер, начинаю работать. Я программистка, фуллстек. Работаю в американской компании, зарплата хорошая, но график плотный. Созвоны, код-ревью, дедлайны. Работаю до часа. Перерыв — готовлю обед. Салат, курица, киноа. Ем стоя, отвечая на сообщения в Slack. Час дня — снова работа. До четырёх вечера.

— Без перерыва?

— С перерывами на туалет и кофе. В четыре забираю младшую из сада. Старший до пяти на продлёнке. Младшая хочет гулять, но на улице холодно и дождь. Везу её на кружок — гимнастика. Сижу, жду час. Листаю телефон — рабочие чаты, Instagram, новости. В пять забираю сына из школы. Он голодный, злой. Даю йогурт и фрукты. Везу на английский — три раза в неделю. Сижу, жду ещё час. Листаю телефон. Семь вечера — еду домой с обоими. Они устали, ссорятся в машине. Я разнимаю, объясняю, что нужно договариваться словами. Осознанное родительство, да.

Она снова усмехнулась.

— Дома — ужин. Готовлю быстро, то, что заранее заготовила. Овощи на пару, рыба. Дети ноют — хотят пиццу. Я объясняю про рыбий жир и омегу-3. Они едят нехотя. Муж приходит

в девять. Он уставший, но в хорошем настроении — сделка прошла успешно или что-то там. Я разогреваю ему ужин, мы коротко говорим о дне. Минут десять. Потом он идёт в кабинет, доделывать что-то. Я укладываю детей — читаю сказки, обнимаю, целую. Младшая засыпает быстро. Старший долго — у него тревога, психолог говорит, это возрастное. Я лежу с ним, глажу по спине, шепчу, что всё хорошо. Засыпает в десять. Я выползаю из его комнаты.

Она села обратно на диван, рядом с Даней. Он всё так же листал, не слушая.

— В десять вечера я иду в душ. Двадцать минут под горячей водой. Единственное время, когда я одна. Выхожу, надеваю пижаму. Муж уже в кровати, в телефоне. Я ложусь рядом. Он обнимает меня, начинает гладить. Я понимаю, что он хочет секса. У нас расписание — вторник, пятница. Сегодня понедельник, но он возбуждён, хочет. Я устала до полусмерти, но я хорошая жена. Мы занимаемся сексом. Минут десять. Он кончает, целует меня, говорит, что я лучшая. Засыпает. Я лежу, смотрю в потолок.

— И вы не можете уснуть?

— Не хочу. Потому что тогда я просто переключусь в следующий день. А мне нужна хоть какая-то пауза. Вот эти два-три часа ночью, когда я одна и могу делать что хочу. Я беру телефон, ложусь на диван в гостиной, чтобы не мешать мужу. И листаю. Instagram, TikTok, Pinterest, YouTube. Смотрю чужие жизни. Читаю про осознанное родительство, про ЗОЖ, про саморазвитие. Сохраняю рецепты, которые никогда не приготовлю. Смотрю на идеальные интерьеры, идеальных детей, идеальные отношения. И где-то в три ночи засыпаю. Будильник в шесть тридцать. И всё заново.

Тишина.

— Каждый день? — спросил я тихо.

— Каждый. Суббота-воскресенье немного по-другому. Выезжаем куда-то с детьми — парк, музей, кафе. Делаем красивые фотки для Instagram. "Семейные выходные ♥️#". Вечером муж хочет секса, потому что выходной. Мы занимаемся сексом. Я улыбаюсь, стону, делаю вид, что мне хорошо. Ему хорошо. Значит, всё в порядке.

— А вам?

— Мне всё равно. Я не чувствую ничего. Ни удовольствия, ни отвращения. Просто механика. Он входит, он двигается, он кончает. Я глажу его по спине, говорю, что люблю. Он засыпает счастливый. А я иду в ванную, смываю его сперму, смотрю на себя в зеркало. И не узнаю.

Слёзы потекли из-под очков. Она сняла их, вытерла глаза ладонью.

— Извините, — сказала она. — Не хотела грузить.

— Всё нормально.

Она надела очки обратно, шмыгнула носом.

— Год назад, — продолжила она тихо, — я была в кофейне. Днём, между совещаниями. Сидела, работала за ноутбуком. Пила капучино, отвечала на письма. И увидела его. Она кивнула на Даню.

— Он сидел в углу, один, с телефоном. Просто сидел. Ничего не делал. Даже кофе не заказал. Просто сидел и листал телефон. Час. Два. Три. Я закончила работу, собралась уходить. Он всё ещё сидел. И я подумала — блять, как же я завидую. Вот он сидит, ничего не делает, никуда не спешит, никто от него ничего не хочет. Он просто есть. И мне так захотелось быть им. Хоть пять минут.

— И вы подошли?

— Нет. Я ушла. Но запомнила лицо. А через неделю увидела его снова. В той же кофейне. В том же углу. Листал телефон. И я подумала — это не случайность. Он там живёт. В этой пустоте. И я подошла. Спросила, можно ли присесть. Он пожал плечами. Я села. Мы молчали минут двадцать. Потом я спросила: "Ты всегда так проводишь время?" Он сказал: "Да". Я спросила: "Тебе не скучно?" Он сказал: "Нет". Я спросила: "А что ты чувствуешь?" Он сказал:

"Ничего". И я заплакала. Вот так, в кофейне, при нём. Он не испугался, не стал утешать. Просто протянул салфетку. Я вытерла слёзы. Спросила: "Можно я приду ещё?" Он сказал: "Окей".

— И вы приходили в кофейню?

— Да. Каждый понедельник. Месяца три. Мы почти не разговаривали. Просто сидели за одним столиком, оба в телефонах. Но мне было хорошо. Потому что с ним не нужно было быть никем. Не идеальной мамой. Не заботливой женой. Не продуктивной сотрудницей. Просто сидеть. А потом кофейня закрылась на ремонт. Я написала ему: "Где ты живёшь?" Он скинул адрес. Я пришла. И с тех пор прихожу каждый понедельник.

— Муж не знает?

— Говорю, что хожу на йогу. Студия недалеко отсюда. Он ни разу не проверил.

— А если узнает?

— Не знаю. Наверное, будет скандал. Развод. Дети. Алименты. Раздел имущества. Стандартный сценарий.

— И вы рискуете всем этим ради... чего?

Она посмотрела на меня долго. Потом на Даню. Потом снова на меня.

— Ради двух часов в неделю, когда я не должна быть хорошей, — сказала она просто.

Даня, не отрываясь от телефона, протянул руку и положил на её плечо. Не обнял, не пригнул. Просто положил руку. Она закрыла глаза, прислонилась головой к его плечу. Они сидели так минут десять. Он продолжал листать одной рукой. Она дышала ровно, глаза закрыты.

Потом её часы завибрировали.

Она открыла глаза, посмотрела на экран.

— Время, — сказала она. — Нужно забирать младшую из сада.

Даня убрал руку. Ольга встала, поправила волосы, очки. Достала телефон, посмотрела на себя в камеру фронтальной камеры. Вытерла следы слёз.

— До следующего понедельника, — сказала она.

— Ага, — ответил Даня.

Она посмотрела на меня.

— Извините, что вывалила на вас всё это.

— Всё нормально.

— Вы его не осуждайте. Он единственный честный человек, которого я знаю.

— Я не осуждаю.

Она кивнула, пошла к выходу. У двери обернулась.

— Даня, — позвала она.

— М?

— Спасибо.

— За что?

— За пустоту.

Он пожал плечами. Она улыбнулась — грустно, устало — и вышла. Дверь закрылась.

Я сидел в кресле, переваривая услышанное. Даня листал телефон, как ни в чём не бывало.

— Она всегда так? — спросил я.

— Угу. Почти каждый раз плачет. Иногда просто сидит молча. Иногда рассказывает про детей. По-разному.

— А ты?

— А что я?

— Ты вообще что-то чувствуешь, когда она приходит?

Даня задумался.

— Нет, — сказал он честно. — Ничего. Ни жалости, ни сочувствия. Она приходит, она уходит. Как видео в ленте. Листаешь дальше, и забываешь.

— Это пиздец жестоко, Дань.

— Почему? Я не вру ей. Не обещаю любовь. Не делаю вид, что мне не похер. Она знает. И всё равно приходит. Значит, ей это нужно. Я даю ей то, что могу дать — отсутствие ожиданий. Это честно.

— А если она влюбится?

— Не влюбится. Она умная. Она понимает, что я пустое место. Ей не нужна любовь. У неё есть муж, который её любит. Ей нужна пауза. Я — эта пауза.

Он вернулся к телефону. Я встал, прошёл на кухню, налил себе воды. Посмотрел в холодильник — Ольга оставила записку на стикере, приклеенную к контейнеру: "Ризотто с грибами. Разогреть 3 мин в микроволновке. Приятного аппетита".

Я закрыл холодильник. Вернулся в комнату, начал собираться. Нужно было ехать на конференцию.

— Макс, — сказал Даня, не отрываясь от экрана.

— Да?

— Ты меня не осуждаешь?

Я застегнул рубашку, посмотрел на него.

— Честно?

— Честно.

— Я не знаю. С одной стороны, ты используешь её. Она приносит еду, технику, деньги. А ты даёшь ей... что? Два часа молчания?

— Два часа, когда ей не нужно быть идеальной, — поправил он. — Это дорогого стоит. Она сама сказала.

— Но ты же ничего не вкладываешь. Ты просто сидишь и листаешь телефон.

— Именно. Я не требую от неё ничего. Это и есть то, что я даю. Знаешь, в чём проблема всех этих людей — Ольги, её мужа, её детей, её друзей? Они все хотят, чтобы она была для них кем-то. Мамой, женой, сотрудницей, подругой. Все требуют. А я не требую. Я даже не хочу, чтобы она приходила. Она приходит сама. И может не приходиться. Мне без разницы. Вот эта разница — и есть моя ценность.

— Пиздец какая философия.

— Но рабочая.

Я надел куртку, взял рюкзак.

— Вернусь вечером. Ключи есть?

— На полке в прихожей.

Я взял ключи, вышел. Ехал в метро, думал об Ольге. О её идеальной жизни, которая убивает её изнутри. О том, как она два часа в неделю платит за право не быть идеальной. О том, что Даня берёт деньги за пустоту.

И знаете что?

Я не мог понять, кто из них более честен.

Глава 3. Среда. Настя

Вечером вторника вернулся к Дани уставший. Конференция прошла стандартно. Презентации про блокчейн, AI, финтех-стартапы, которые собирались "революционизировать индустрию". Нетворкинг с людьми в пиджаках без галстуков — дресс-код "умная повседневность", что означало "мы инновационные, но серьёзные". Коктейли, визитки, разговоры ни о чём. Я улыбался, кивал, обменивался контактами, зная, что не напишу никому из них.

Конференция закончилась, остались кое какие незаконченные дела в Москве, решил взять несколько выходных и остаться у Дани. К тому же, я вполне могу работать удаленно, срочных встреч в Питере не предвидится.

Весь день Даня был один так как я уехал рано утром, а вернулся поздно. Он встретил меня на том же диване, в той же позе, с тем же телефоном. Мы поужинали ризотто от Ольги (вкусное, если честно), я поработал немного, рано лёг спать.

В среду проснулся около девяти. Даня ещё спал — он спал до одиннадцати-двенадцати, засыпая под утро. Я сделал себе кофе на его новой машине, позавтракал остатками еды из холодильника, поработал за его столом.

Он проснулся в половине двенадцатого. Вышел из-за стеллажа растрёпанный, в одних трениках, почесывая живот.

— Привет.

— Привет. Кофе будешь?

— Угу.

Я сделал ему кофе. Он сел на диван, взял телефон. Начал листать.

— Сегодня кто-то приходит? — спросил я.

— Настя. Вечером.

— Во сколько?

— Часов в восемь обычно.

— Окей.

Я вернулся к ноутбуку. Мы просидели так до обеда — он на диване с телефоном, я за столом с компьютером. Молча. Странно, но мне было комфортно. Не нужно было поддерживать разговор, развлекать друг друга. Просто два человека в одном пространстве, каждый в своём мире.

В два часа я сходил в магазин, купил пива и пиццу. Мы поели, посмотрели что-то на YouTube — подборку смешных моментов из каких-то стримов. Даня иногда усмехался, выдыхая носом. Я тоже.

— Дань, — сказал я, допивая пиво. — Можно вопрос?

— Давай.

— Ты когда последний раз выходил из дома?

Он задумался.

— В пятницу. Забирал доставку у двери.

— Это не считается. Я про нормально выходил. Погулять, куда-то сходить.

— М-м-м... Месяца три назад, наверное. Ходил в магазин за пивом.

— Три месяца ты не выходил из квартиры?

— Ну, выходил. До мусорки. До почтомата. Но это не считается, да?

— Не считается.

— Тогда три месяца.

— И тебе не скучно?

— Зачем выходить? Еду привозят. Вещи привозят. Работу делаю за компьютером. Развлечения все тут, — он поднял телефон. — Зачем куда-то идти?

— Ну, подышать воздухом. Посмотреть на людей. Размяться.

— Воздух плохой, на улице холодно. Люди раздражают. Размяться — зачем? Я не спортсмен. Мне и так норм.

Я промолчал. Потому что понял — у него нет потребности выходить. Совсем. Его мир уместился в сорок квадратных метров и шесть дюймов экрана.

— А раньше? В универе ты же выходил. Мы ездили на дачу, ходили на вечеринки.

— Раньше было интереснее, — он пожал плечами. — Тогда в телефоне было скучно. Нужно было идти к людям, чтобы развлечься. А теперь не нужно. В телефоне интереснее, чем в реальности. И проще.

— Ты не боишься... деградировать?

— До чего деградировать? — он усмехнулся. — Я уже на дне. Мне двадцать семь, я не работаю, сижу на диване, листаю телефон. Дальше некуда. И знаешь что? Мне охуенно. Потому что не нужно карабкаться вверх. Можно просто лежать на дне и смотреть, как все остальные барахтаются наверху.

— Пиздец.

— Честность, Макс. Я просто честен.

Вечером, около восьми, в дверь позвонили.

Даня встал, открыл. Я услышал женский голос — молодой, энергичный.

— Привет!

— Привет.

— Как дела?

— Норм.

— У тебя гость? — голос стал настороженным.

— Друг. Он нестрашный.

— Окей...

В комнату вошла девушка лет двадцати восьми. Среднего роста, спортивная, в джинсах и оверсайз-свитшоте с логотипом какого-то стартапа. Кроссовки Nike, модные, лимитированные. Волосы короткие, окрашены в модный холодный блонд. На лице лёгкий макияж — акцент на глаза. В руках сумка Fjällräven Kånken — жёлтая, яркая. Красивая, ухоженная, выглядела на большие деньги и одета со вкусом.

Увидев меня, она остановилась.

— Привет, — сказала она, улыбаясь осторожно.

— Привет. Максим.

— Настя.

Она прошла в комнату, огляделась, сбросила сумку на пол, разулась. Села на диван рядом с Даней, не вплотную — сантиметров тридцать между ними.

— Как прошла неделя? — спросила она.

— Норм.

— Работал?

— Нет.

— Вообще?

— Вообще.

— Даня, бля, так нельзя. Тебе же деньги нужны.

— Есть ещё. Хватит.

Она вздохнула, но не стала спорить. Достала телефон, начала листать.

Я сидел в кресле, притворялся, что работаю, но на самом деле наблюдал. Они сидели молча минут десять. Оба в телефонах. Потом Настя встала.

— Есть хочешь? — спросила она.

— Не особо.

— А я хочу. Закажем что-нибудь?

— Давай.

Она открыла приложение доставки, начала листать рестораны.

— Бургеры?

— Ок.

— С беконом?

— Ага.

— Картошка фри?

— Угу.

— Кола?

— Давай.

Она оформила заказ. Посмотрела на меня.

— Максим, ты тоже будешь?

— Не откажусь.

— Что хочешь?

— Как Даня. Бургер с беконом.

— Окей.

Она добавила ещё один бургер, оплатила. Вернулась на диван.

— Сорок минут ждать, — сказала она.

— Норм.

Она села, снова взяла телефон. Они снова молчали.

Прошло минут пятнадцать. Настя положила телефон, посмотрела на Даню.

— Можно лечь?

— Конечно.

Она легла на диван, положив голову ему на колени. Даня автоматически положил руку ей на плечо, но продолжал листать телефон другой рукой.

— Устала? — спросил он, не отрываясь от экрана.

— Пиздец как.

— Работа?

— Работа, Максим, подруги, спортзал, планы на выходные. Всё сразу.

— М-м.

Она закрыла глаза. Даня гладил её плечо рассеянно, механически. Как гладят кота, не думая об этом.

Я смотрел на них и думал — это что, близость? Или имитация близости? Они физически рядом, он её трогает, но эмоционально они будто в параллельных реальностях.

В дверь позвонили — доставка. Даня осторожно убрал руку с плеча Насти, встал, принял заказ. Вернулся с пакетом, распаковал на столике. Бургеры, картошка, кола. Запах жирной еды заполнил квартиру.

— Вставай, еда, — сказал он.

Настя села, взяла свой бургер. Развернула, откусила большой кусок. Не по-девичьи — жадно, голодно.

— Охуенно, — сказала она с набитым ртом. — Я весь день салат ела. Киноа, авокадо, вся хуйня. А хотелось вот это.

— Почему тогда ела салат? — спросил я.

Она посмотрела на меня, как на идиота.

— Потому что я на ЗОЖ. У меня Максим — это мой бойфренд — фанат ЗОЖ. Мы вместе в спортзал ходим, правильно питаемся, считаем калории. Я скинула пять кило за три месяца. Он гордится мной. Я горжусь собой. Но иногда хочется просто сожрать бургер и не считать, сколько там калорий.

— И ты приходишь сюда для этого?

— Не только для этого. Но да, тут можно есть дерьмо и не париться.

Она доела бургер, взяла картошку. Ела руками, слизывала соль с пальцев. Даня ел свой бургер молча, параллельно листая телефон.

— Даня, давай что-нибудь тупое посмотрим, — сказала Настя, доедая.

— Что хочешь?

— Любовь на выживании?

— Ок.

Он включил телевизор — большой, тоже явно дорогой, явно подарок от кого-то из женщин. Запустил Netflix, нашёл какое-то реалити-шоу. "Любовь на выживании" — люди на ост-

рове пытаются построить отношения и выжить одновременно. Они устроились на диване. Настя легла, подложив подушку под голову. Даня сидел рядом, полулёжа. Оба смотрели в телевизор. Шоу было идиотским. Люди кричали друг на друга, плакали, целовались, устраивали драмы из-за распределения еды. Монтаж нарезал это всё в быструю кашу из эмоций. Драматичная музыка. Крупные планы слёз. Настя смотрела, улыбаясь. Даня смотрел без эмоций, но смотрел.

Прошло минут сорок. Шоу продолжалось — очередная пара ругалась.

— Бля, какие же они тупые, — сказала Настя, смеясь.

— Угу.

— Ну серьёзно, зачем устраивать драму из-за кокоса? Это ж постановка.

— Конечно постановка.

— Но всё равно смотреть залипательно.

— Угу.

Она повернулась на бок, посмотрела на него.

— Дань, а тебе правда всё равно, что смотреть?

— Да.

— То есть это шоу или документалку про пингвинов — без разницы?

— Без разницы. Если честно, мне вообще похер, включен телевизор или нет. Это просто фон.

— Тогда зачем включать?

— Тебе нужно. Ты же просила.

Настя задумалась.

— Да, просила... — она снова повернулась к экрану. — С Максимом мы смотрим только умное. Документалки, артхаус, сериалы со смыслом. Он потом обсуждает их, анализирует. Спрашивает моё мнение. Я должна быть вовлечённой, понимаешь? Нельзя просто смотреть. Нужно анализировать. Всегда.

— Забало?

— Пиздец как. Иногда хочется просто смотреть тупое говно и не думать. Но нельзя. Потому что мы интеллектуальная пара. Мы развиваемся. Мы растём. Блять.

Она сказала это зло, с неожиданной злостью.

Даня не отреагировал. Продолжал смотреть в экран.

Они досмотрели серию. Настя встала, потянулась.

— Можно твой свитшот? — спросила она.

— Бери.

Она прошла за стеллаж, вернулась в его растянутом серым свитшоте, который был ей огромен. Сняла джинсы — под ними чёрные трусы-шортики. Села обратно на диван, поджав ноги.

— Так удобнее, — сказала она, поймав мой взгляд.

Я кивнул. Она достала телефон, начала листать. Даня тоже листал свой. Прошло минут двадцать в тишине. Только звук дождя за окном и тихое гудение холодильника.

Настя вдруг заговорила, не отрываясь от телефона:

— Знаешь, Даня, Максим хочет сделать мне предложение.

— М?

— Ну, жениться. Он намекает постоянно. Говорит, что мы вместе уже пять лет, пора. Что у нас всё хорошо, мы подходим друг другу. Что можно купить квартиру, завести детей, построить совместное будущее.

— И что ты?

— Я говорю, что согласна. Что тоже этого хочу. Что люблю его.

— Врёшь?

— Врать — это если я думаю иначе. А я не знаю, что думаю. Я правда его люблю. Он хороший. Умный, заботливый, амбициозный. Хороший любовник. Зарабатывает хорошо. Мы строим карьеры вместе, поддерживаем друг друга. Идеальная пара. Все говорят.

— Но?

Настя отложила телефон, посмотрела в потолок.

— Но я не хочу. Не хочу замуж. Не хочу детей. Не хочу квартиру, в которую буду вкладывать деньги двадцать лет. Не хочу совместное будущее. Я хочу... — она замолчала.

— Чего ты хочешь? — спросил я.

Она посмотрела на меня.

— Ничего, — сказала она просто. — Я хочу ничего. Вот как Даня. Просто лежать на диване, есть бургеры, смотреть тупое говно, листать телефон. Не строить карьеру. Не развиваться. Не быть амбициозной. Просто быть. Но это же нельзя, правда? Нельзя просто ничего не хотеть. Это называется "отсутствие целей", "депрессия", "потеря смысла". Это плохо. Нужно хотеть. Нужно стремиться. Нужно расти.

— И ты растёшь?

— Я делаю вид. Я хожу на работу, участвую во встречах, предлагаю идеи. Я читаю книги по маркетингу, прохожу курсы, нетворкаюсь. Я хожу в спортзал, на йогу, правильно питаюсь. Я встречаюсь с подругами, мы обсуждаем карьеру, отношения, планы. Я веду Instagram, пости красивые фотки — я и Максим в путешествиях, я и Максим в ресторанах, я и Максим на природе. Идеальная жизнь. И все верят. И Максим верит. И даже я сама иногда верю.

— А потом?

— А потом я прихожу сюда. И здесь мне не нужно верить. Здесь мне не нужно быть амбициозной Настей, которая строит карьеру и отношения. Здесь я просто... ничья. Даня мне не задаёт вопросов про планы. Не просит обсудить книгу. Не зовёт в поход. Мы просто сидим, молчим, иногда трахаемся, иногда нет. И это охуенно, потому что не требует усилий.

Она снова взяла телефон, начала листать. Даня тоже листал.

— Настя, — сказал я. — А зачем ты тогда с ним? С Максимом, то есть.

Она пожала плечами.

— Потому что так надо. Мне двадцать восемь. Это возраст, когда нужно определяться. Замуж или карьера. Дети или свобода. Он хороший парень. Я его люблю. Ну, то есть мне с ним не плохо. Это же любовь, нет? Когда не плохо.

— Это не любовь.

— Тогда что?

— Привычка.

— Может быть. Но привычка — это стабильность. А все хотят стабильности. Родители говорят: "Он хороший, держись за него". Подруги говорят: "Вы такие классные вместе". Instagram говорит: "Идеальная пара". Я говорю себе: "Он хороший, я его люблю, всё нормально". И всё правда нормально. Пока я не прихожу сюда.

— А здесь что?

— Здесь я понимаю, что всё это ненастоящее. Что мои амбиции — это просто страх быть неудачницей. Что моя любовь к Максиму — это просто удобство. Что мои планы на будущее — это не мои планы, а то, что от меня ждут. А я не знаю, чего хочу я. Вообще ничего не знаю. И это пугает. Поэтому я прихожу сюда, где не нужно знать. Где можно быть никем.

Даня, не отрываясь от телефона, протянул руку и взял её за руку. Просто держал. Она сжала его пальцы.

Они так и сидели — держась за руки, оба в телефонах, молча.

Я встал, прошёл на кухню. Налил себе воды, выпил залпом. Посмотрел в окно — дождь усилился, по стеклу текли капли. Напротив, в окнах светился голубоватый свет экранов. Везде одно и то же.

Вернулся в комнату. Настя лежала на диване, свернувшись калачиком. Даня гладил её по волосам одной рукой, второй листал телефон.

— Даня, — сказала она тихо.

— М?

— А ты когда-нибудь хотел чего-то? Ну, сильно хотел. Мечтал.

— Было. В школе, в универе.

— И что?

— Понял, что это бессмысленно. Мечты — это страдания. Хочешь чего-то — страдаешь, пока не получишь. Получаешь — привыкаешь и хочешь дальше. Не получаешь — страдаешь, что не получил. Замкнутый круг. А если ничего не хочешь — не страдаешь.

— Но это же... пустота.

— Да. Комфортная пустота.

— Ты счастлив?

— Нет.

— Но и не несчастлив?

— Да.

— Это лучше?

— Не знаю. Честнее, точно.

Настя замолчала. Закрыла глаза. Даня продолжал гладить её волосы механически.

Прошло минут двадцать. Я думал, она уснула. Но потом она открыла глаза, посмотрела на часы на телефоне.

— Пора, — сказала она.

— Окей.

Она встала, переделалась обратно в свою одежду. Даня смотрел в телефон.

— Даня, — позвала она, надевая кроссовки.

— М?

— Как думаешь, мне стоит выходить замуж?

— Не знаю.

— Ну а если бы ты был на моём месте?

— Я бы никуда не выходил. Но я не ты.

— А если бы ты был мной?

Он задумался.

— Наверное, вышел бы. Потому что отказаться — это тоже решение. А решения требуют энергии. Проще согласиться. Все согласятся — родители, друзья, Instagram. Ты тоже согласишься с собой. Будет свадьба, фотки, лайки. Потом квартира, дети, рутина. Будет охуенно скучно, но безопасно. А если откажешься — будешь сомневаться всю жизнь. Лучше не сомневаться.

Настя стояла у двери, смотрела на него.

— Это самый депрессивный совет, который я слышала.

— Зато честный.

Она рассмеялась. Грустно.

— Спасибо. Наверное.

— Пожалуйста.

Она открыла дверь, обернулась.

— До среды?

— До среды.

Она ушла. Даня продолжал листать телефон, как будто её и не было.

Я сидел в кресле и думал о том, что только что слышал. О том, что где-то сейчас Максим — бойфренд Насти — сидит в своей квартире, читает умную книгу или работает над проектом,

и думает, что его девушка на йоге. Он планирует предложение, выбирает кольцо, представляет их совместное будущее. Он счастлив. А она приезжает к парню, который ей ничего не даёт, только забирает её время. Она лежит с ним на диване, смотрит тупые шоу, ест вредную еду, и ей хорошо. Потому что здесь не нужно быть той, кем она должна быть.

— Дань, — сказал я.

— М?

— Ты осознаёшь, что делаешь?

— Что именно?

— Ты разрушаешь их отношения. Она приходит к тебе вместо того, чтобы быть с ним.

— Я её не зову. Она сама приходит.

— Но ты принимаешь.

— А что я должен сделать? Выгнать? Сказать ей: "Иди к своему бойфренду, будь амбициозной, выходи замуж, рожай детей, будь счастлива"? Она не хочет. Она приходит сюда, потому что здесь она может не хотеть. Я даю ей это право.

— Право не хотеть?

— Да. Это редкость. Все заставляют хотеть. Родители, общество, Instagram, твой внутренний голос. Мечтай о карьере, любви, роди детей, хотя смысла. А если не хочешь — ты сломан, депрессивен, нуждаешься в помощи. Я не заставляю. Со мной можно не хотеть. И это моя ценность.

— Это пиздец какая циничная ценность.

— Но рабочая. Она приходит уже полгода. Ольга — год. Ира — два года. Они сами решают. Я только не мешаю.

Я встал, прошёлся по комнате. Злость поднималась внутри. Не на Даню — на систему, в которой право не хотеть ничего стало товаром.

— А если она его бросит? Из-за тебя?

— Не бросит. Она правильно сказала — проще согласиться. Она выйдет замуж, родит детей, будет приходить сюда по средам, пока не надоест. Потом перестанет приходить. Жизнь продолжится. Я ничего не меняю. Я просто пауза.

— Пауза от чего?

— От необходимости быть кем-то.

Я сел обратно в кресло. Достал телефон. Открыл Instagram. Прокрутил ленту. Счастливые пары, успешные стартаперы, идеальные тела, мотивирующие цитаты. Все хотели. Все стремились. Все были кем-то.

Я закрыл Instagram. Открыл Reddit. Прокрутил. Закрыл. Открыл YouTube. Прокрутил. Закрыл.

Посмотрел на Даню. Он листал.

Мы оба листали.

Разница была только в том, что он признавал это.

Глава 4. Пятница. Ира

Я остался у Дани до пятницы. Работал удалённо, созванивался с командой, отвечал на письма. Дания продолжал существовать в своём режиме — просыпался к обеду, листал телефон, ел остатки того, что приносили женщины, иногда заказывал доставку. Мы почти не разговаривали. Странно, но мне это не мешало. Наоборот — я работал продуктивнее, чем в офисе. Никто не отвлекал, не звал на кофе, не устраивал спонтанных митингов.

В четверг вечером я спросил:

— Завтра кто-то приходит?

— Ира. В девять.

— Последняя?

— Из постоянных — да. Ещё есть одна новая, но она нерегулярно.

— Новая?

— Алиса. Молодая. Недавно замужем. Приходит редко, когда муж в командировках.

— Расскажешь о ней?

— Потом. Если придёт.

Я кивнул. Понял, что не хочу уезжать, не увидев всех. Как будто собирал паззл, и не хватало последних кусочков.

Пятница. Вечер. Я принял душ, переоделся в чистое. Даня сидел на диване в своих вечных трениках и футболке. За окном уже стемнело, шёл дождь. Ноябрь в Москве — серость, сырость, темнота в пять вечера.

В девять вечера в дверь позвонили.

Даня открыл. Я услышал голос — низкий, уверенный, с лёгкой хрипотцой.

— Привет, солнце.

— Привет.

— Как дела?

— Норм.

— Принесла тебе подарки.

— Спасибо.

Звук пакетов, шаги на каблуках.

В комнату вошла женщина лет сорока. Высокая, стройная, в чёрном пальто и узких брюках. Каблуки — шпилька, сантиметров десять. Волосы тёмные, уложены профессионально — видно, что она только что из салона. Макияж безупречный — акцент на губы, красная помада. Ногти длинные, маникюр свежий. На шее тонкая золотая цепочка с кулоном, на запястье часы — Cartier, похоже на оригинал. В руках большой пакет из бутика и сумка Celine.

Она выглядела дорого. Не просто ухоженно — дорого. Каждая деталь — от причёски до обуви — кричала о деньгах и вкусе.

Увидев меня, она остановилась, оценивающе посмотрела.

— А это кто?

— Друг. Максим.

— Ира, — она протянула руку.

Я пожал. Рукопожатие крепкое, уверенное. Ладонь тёплая, пахло дорогими духами — что-то насыщенное, пряное.

— Приятно познакомиться.

— Взаимно.

Она прошла в комнату, сбросила пальто на спинку кресла. Под пальто была шёлковая блузка — чёрная, с глубоким вырезом. Фигура отличная — явно спортзал, диета, уход.

— Даня, солнце, я тебе вещи принесла, — она поставила пакет на стол. — Посмотри.

Даня нехотя встал, подошёл. Заглянул в пакет.

— Толстовка Stone Island, джинсы Acne, кроссовки New Balance — лимитка, кстати, достала через знакомых. И ещё наушники Sony, новая модель. У тебя же старые, подумала, обновить пора.

Она говорила это легко, как будто покупала продукты, а не вещи на полтора-два тысяч рублей.

Даня достал толстовку, посмотрел.

— Спасибо.

— Не за что, солнце. Примерь.

— Потом.

— Ладно, — она не настаивала. Села на диван, скинула туфли, поджала ноги. — Устала пиздец. Целый день на ногах.

— Работа?

— Ага. Салон. То клиентка истерит, что мастер испортил цвет, то сотрудница увольняется в последний момент, то поставщик накосячил с заказом. Короче, обычная пятница.

Даня вернулся на диван, взял телефон. Ира достала свой, начала листать.

Я сидел в кресле, наблюдал. Это была другая динамика. С Ольгой была жалость и усталость. С Настей — запутанность и сомнения. С Ирой было... ничего. Просто два человека, которые знают правила игры.

Прошло минут десять молча.

— Дань, есть чего выпить? — спросила Ира.

— Пиво. Вино Ольга приносила.

— Вино давай.

Даня встал, принёс бутылку белого вина из холодильника, два бокала. Налил ей, себе.

— Макс, тебе?

— Давай.

Он принёс третий бокал. Мы выпили. Вино было хорошее — прохладное, с кислинкой.

— Как неделя? — спросила Ира.

— Норм.

— Работал?

— Нет.

— Опять? Даня, солнце, тебе же деньги нужны.

— Хватает пока.

— На что хватает? На аренду и доставку еды? Это не жизнь.

— Меня устраивает.

Ира вздохнула, но не стала спорить. Допила вино, налила ещё.

— Знаешь, — сказала она, обращаясь ко мне, — я два года пытаюсь заставить его хоть что-то делать. Устроиться на работу, начать проект, что угодно. Бесполезно. Он как кот — лежит, ест, спит, листает телефон. Всё.

— Зачем мне что-то делать? — спросил Даня спокойно.

— Чтобы жить нормально!

— Я и так живу нормально.

— Ты живёшь на деньги женщин, которые тебе покупают технику и еду!

— Ты сама покупаешь. Я не прошу.

— Да, не просишь. И это бесит ещё больше. Знаешь, обычно мужики хотя бы изображают благодарность. А ты даже не изображаешь.

— Зачем изображать? Ты же сама сказала — я не прошу. Ты покупаешь, потому что хочешь. Я принимаю, потому что мне не жалко. Честный обмен.

Ира рассмеялась. Горько.

— Честный обмен... Даня, ты ебанутый. Но да, честный.

Она допила второй бокал, встала.

— Пойду покурю.

Она взяла сумку, достала пачку сигарет — тонкие, ментоловые — и зажигалку. Вышла на балкон. Закрыла дверь не до конца. Я видел её силуэт за стеклом — она стояла, облокотившись на перила, курила, смотрела на дождь.

— Она всегда так? — спросил я тихо.

— Примерно. Иногда более агрессивная. Иногда просто молчит. Зависит от недели.

— А зачем она приходит?

— Потом расскажет сама. Она любит говорить.

Ира вернулась минут через десять. Пахло сигаретным дымом и дождём. Села обратно на диван.

— Максим, — сказала она, — а Даня тебе рассказывал про меня?

— Немного.

— Что именно?

— Что вы приходите по пятницам. Покупаете ему вещи. И... больше особо ничего.

— То есть он не рассказал, что мы трахаемся?

Я поперхнулся вином. Она усмехнулась.

— Не рассказал? Скромный какой. Да, Максим, мы трахаемся. Не каждую пятницу, но регулярно. Правда, Дань?

Даня пожал плечами.

— Иногда.

— "Иногда", — она передразнила его. — Ты бы хоть энтузиазма изображал, когда мы это делаем.

— Зачем изображать?

— Ну блять, не знаю, чтобы женщине было приятно?

— Ты же знаешь, что мне похер. Зачем врать?

Ира рассмеялась. Налила себе третий бокал.

— Вот поэтому я и хожу. Потому что ты не врешь. Знаешь, Максим, я встречаюсь с мужиками постоянно. Приложения, знакомые, друзья друзей. Все хотят секса. Это нормально, я тоже хочу. Но они все играют. Приглашают в ресторан, говорят комплименты, строят из себя джентльменов. Потом ведут к себе или ко мне, трахают, стонут, говорят, какая я охуенная. А утром пишут: "Спасибо за вечер, было классно". И всё. Больше не пишут. Или пишут через неделю: "Привет, как дела?". И я понимаю — им нужен был секс. Только секс. Но они изображают, что им нужно что-то ещё. Отношения, близость, хуй знает что. А на деле — просто секс.

Она отпила вина, посмотрела на Даню.

— А вот этот, — она кивнула на него, — не изображает. Я прихожу, говорю: "Хочу трахнуться". Он говорит: "Окей". Мы трахаемся. Он не стонет театрально. Не говорит, что я богиня. Не спрашивает, хорошо ли мне. Просто входит, двигается, кончает. Механика. И знаешь что? Это охуенно. Потому что честно. Мне не нужно делать вид, что это любовь. Не нужно изображать страсть. Просто секс. Без игры.

Я молчал. Не знал, что сказать.

— Ты шокирован? — спросила она.

— Немного.

— Привыкай. В сорок лет секс — это не романтика. Это функция. Как есть или спать. Тело хочет — ты даёшь телу. Даня это понимает. Поэтому я хожу к нему, а не на эти ебанные свидания, где мужики притворяются, что им интересна моя личность.

— А вам не интересна их?

— Нет. Мне интересно трахнуться, выпить вина, поговорить ни о чём и уйти. Без обязательств, без эмоций, без перспектив. Даня идеален для этого. Он ничего не хочет от меня. Я ничего не хочу от него. Чистый обмен.

— Но вы покупаете ему вещи.

— Покупаю. Потому что могу. У меня три салона красоты в Москве. Я зарабатываю охуенно. Дочери семнадцать, она учится в Англии, живёт в пансионе. Бывший муж платит ей содержание, но мы не общаемся. Друзей нет — одни знакомые. Родители умерли. У меня есть деньги, квартира, машина, бизнес. И всё. Некуда тратить деньги, кроме как на себя и иногда на Даню. Это не содержание. Это... инвестиция в комфорт. Я покупаю ему вещи, чтобы, когда я прихожу, здесь было приятно. Новая кофемашинка — мне же кофе пить. Монитор — мне же на него смотреть. Одежда — мне же приятно, когда он не в застиранной футболке.

— Рациональная инвестиция.

— Именно. Без эмоций.

Даня всё это время листал телефон, не участвуя в разговоре. Будто говорили не о нём.

- Даня, — позвала Ира.
- М?
- Пойдём трахнемся.
- Сейчас?
- Ну да. Я с давно не трахалась, хочу.
- Даня отложил телефон, встал.
- Окей.

Они прошли за стеллаж, к кровати. Я остался сидеть в кресле, охуевая от происходящего. Они даже не стеснялись моего присутствия. Просто пошли и... пошли. Я услышал шорох одежды. Тишину. Потом скрип кровати — ритмичный, механический. Никаких стонов, никаких звуков. Просто скрип.

Прошло минут пять. Скрип прекратился.

Ещё минут пять тишины.

Потом Ира вышла — в блузке, без брюк, в трусах. Прошла на балкон, закурила. Даня вышел за ней — одел треники, взял телефон. Сел на подоконник, начал листать.

Я сидел в кресле, допивал вино, пытаюсь осознать, что только что произошло. Это было самое странное, что я видел в своей жизни. Не сам факт секса — а то, как обыденно это было. Как поход в туалет.

Ира докурила, вернулась, надела брюки. Села на диван.

— Извини, что при тебе, — сказала она. — Но мне было похер. Надеюсь, тебе тоже?

— Я... нормально, — соврал я.

— Не ври. Тебе не нормально. Ты шокирован. Все шокированы. Потому что секс должен быть интимным, приватным, эмоциональным. Но это хуйня. Секс — это физиология. Трение слизистых. Выброс гормонов. Всё. Мы просто привыкли обвешивать это романтикой, чтобы не чувствовать себя животными. А я устала притворяться. Мне сорок. Я прошла через брак, измены, развод, алименты, дележку имущества. Я трахалась с десятками мужиков, влюблялась, разочаровывалась, страдала. Я устала. Теперь я хочу простоты. Даня — простота.

Она налила себе ещё вина. Руки дрожали чуть-чуть. Я понял — она не такая циничная, как изображает. Просто устала изображать противоположное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.